

Техники тела

Доклад, сделанный на заседании Психологического общества 17 мая 1934 г. Впервые опубликован в: Journal de psychologie, XXXII, № 3—4, 15 mars — 15 avril 1936. Перевод осуществлен по изданию: Mauss M. Sociologie et anthropologie. P.: Presses Universitaires de France, 1950; текст уточнен по 8-му парижскому изданию 1983 г.

- ГЛАВА I. Понятие техники тела
- ГЛАВА II. Принципы классификации техник тела
- ГЛАВА III. Биографический перечень техник тела
- ГЛАВА IV. Общие соображения

ГЛАВА I. Понятие техники тела

Я говорю именно о техниках тела, потому что теорию техники можно создать, опираясь на исследование, изложение фактов, простое и ясное описание техник тела. Под последними я понимаю традиционные способы, посредством которых люди в различных обществах пользуются своим телом. Во всяком случае, надо идти от конкретного к абстрактному, а не наоборот.

Я хочу познакомить вас с частью предмета, который не преподают в других местах и который я регулярно читаю в курсе «Дескриптивной этнологии» (книги, содержащие «Краткие инструкции» и «Инструкции для этнографов», должны быть опубликованы)[1071]. Этот курс я много раз читал в Институте этнологии Парижского университета.

Когда естественная наука прогрессирует, то прогресс этот всегда осуществляется только на пути к конкретному и неизведанному[1072]. Но неизведанное находится на границах наук, там, где, как сказал Гёте, профессора «поедают друг друга» (я говорю «поедают», но Гёте не столь вежлив). Как правило, именно в этих слабо отграниченных друг от друга областях коренятся животрепещущие проблемы. Эти целинные земли, впрочем, имеют отличительный знак. В естественных науках, в том виде, в каком они сегодня существуют, мы всегда находим один скверный раздел. Обычно существует такая область, где наука о неких фактах еще не сведена в понятия, когда факты эти даже не сгруппированы органичным образом. В подобных случаях перед этим множеством фактов мы прибавляем табличку неведения, обозначая их как «разное». Туда-то и необходимо проникнуть. Можно с уверенностью сказать, что именно там содержатся истины, которые необходимо обнаружить, прежде всего потому, что мы знаем о своем незнании, а также потому, что мы ясно ощущаем наличие множества фактов. Читая в течение многих лет свой курс «Дескриптивной этнологии», я вынужден был на себе испытать проклятие и позор рубрики «разное» в одном вопросе, где эта рубрика в этнографии выглядела действительно странной. Мне было хорошо известно, что, например, походка, стиль плавания, другие явления подобного рода носят специфический характер в определенных обществах, что полинезийцы плавают не так, как мы, а мое поколение плавало не так, как нынешнее. Но что это были за социальные явления? Они относились к «разному», а поскольку данная рубрика для меня ненавистна, я часто думал об этом «разном», по крайней мере, каждый раз, когда должен был говорить о ней, а нередко и просто так.

Прошу извинить меня за то, что, описывая понятие техник тела, я расскажу вам о том, в связи с какими конкретными обстоятельствами я стремился и как смог четко поставить общую проблему. Это был ряд осознанных и неосознанных попыток.

Сначала, в 1889 г., я познакомился с одним человеком, инициалы которого я помню, но фамилию забыл, поленился ее поискать. Он написал блестящую статью «Плавание» для готовившегося тогда издания «Британской энциклопедии» 1902 г. (статьи «Плавание» в двух последующих изданиях хуже). Он показал мне, что этот вопрос интересен с исторической и этнографической точек зрения. Это был отправной пункт, толчок к последующим наблюдениям. Впоследствии я наблюдал изменения в техниках плавания у моего поколения (я замечал это и за самим собой). Нам, психологам, так же как и биологам и социологам, один пример сразу прояснит, о чем идет речь. Когда-то нас учили нырять после плавания. При этом нас учили закрывать глаза, потом открывать их в воде. Сегодня техника противоположная: начинают с того, что приучают ребенка находиться в воде с открытыми глазами. Таким образом, еще до того, как дети начинают плавать, их приучают прежде всего обуздывать опасные, но инстинктивные рефлексy глаз, их приучают к воде, подавляют страхи, создают некоторую уверенность, регулируют остановки и движение. Стало быть, существуют техника ныряния и техника обучения нырянию, найденные в мое время. И вы видите, что речь идет именно о техническом предмете и что, как и во всякой технике, происходит обучение плаванию. В то же время наше нынешнее поколение стало свидетелем полной смены техники: мы увидели, что плавание брассом, при котором голова находилась над водой, сменилось различными видами кроля. Кроме того, отказались от привычки глотать и выплевывать воду, тогда как во времена моего детства пловцы считали себя чем-то вроде парашютистов. Это было глупо, но я так делаю до сих пор: не могу избавиться от своей техники. Вот какова одна специфическая техника тела, одно из усовершенствованных телесных искусств нашего времени.

Но такая же особенность присуща всем техникам. Во время войны у меня была возможность часто наблюдать эту особенность техник. Так было, например, с техникой копания. Английские войска, в которых я находился, не могли пользоваться французскими лопатами, что вынуждало менять по 8000 лопат на дивизию, когда мы сменяли французскую дивизию, и наоборот. Очевидно, что даже простой поворот руки усваивается медленно. Всякая техника в собственном смысле облекается в свою особую форму.

Но так же обстоит дело с любым способом действия тела. Каждое общество обладает своими, присущими только ему привычками. В то же военное время у меня было много возможностей замечать отличия одной армии от другой. Приведу одну забавную историю, связанную с ходьбой. Все вы знаете, что британская пехота марширует шагом, отличным от нашего: другая частота, другая длина шага (я даже не говорю сейчас об английском раскачивании, о движениях колен и т. д.). И вот Вустерский полк, проявивший большую храбрость в битве на Эне вместе с французской пехотой, испросил королевское разрешение, чтобы им играли на трубах и били в барабаны на французский манер французские трубачи и барабанщики. Результат был обескураживающим. В течение почти полугода, когда после Энской битвы прошло уже значительное время, на улицах Байеля я часто видел следующую картину: полк по-прежнему маршировал на английский манер, а ритм был французский. Во главе полковой музыкальной команды шел даже маленький адъютант французских пеших егерей, умевший играть на трубе и исполнявший марши лучше, чем его люди. Целый полк бедных рослых англичан не мог маршировать. Все было нескладно и неладно. Они пытались шагать в ногу, но музыка не совпадала с шагом. В конце концов Вустерский полк был вынужден отменить свои французские сигналы. Фактически когда-то, во времена Крымской

войны, в различных армиях были приняты сигналы «на отдых», «отступление» и т. д. Такие же различия между англичанами и французами я часто наблюдал не только в ходьбе, но и в беге, т. е. не только в бытовых, но и в спортивных техниках. Профессор Курт Закс, живущий сейчас в нашей стране, наблюдал то же самое и говорил об этом во многих лекциях. Он на большом расстоянии различает походку англичанина и француза.

Но это были лишь подступы к предмету.

Нечто вроде озарения пришло ко мне однажды, когда, находясь в Нью-Йорке, я заболел и оказался в тамошней больнице. Я спрашивал себя, где я уже видел девушек с такой походкой, как у моих медицинских сестер. У меня было время подумать над этим, и я наконец вспомнил, что это было в кино. Вернувшись во Францию, я стал замечать, особенно в Париже, распространенность этой походки. Девушки были француженками, а ходили таким же манером. Фактически американские способы ходьбы благодаря кино стали проникать к нам. Этой мысли я придавал затем более широкое значение. Положение рук, кистей во время ходьбы образуют своего рода социальную идиосинкразию, а не просто продукт сугубо индивидуальных, психических устройств и механизмов. Например, я уверен, что смогу опознать по походке девушку, воспитывавшуюся в монастыре. Как правило, она ходит со сжатыми кулаками. И я до сих пор помню окрик моего учителя в третьем классе: «Скотина, ты все время ходишь с растопыренными ручищами!» Стало быть, существует также и воспитание походки.

Другой пример: различают приличные или неприличные положения рук во время отдыха. Так, вы можете с уверенностью сказать, что если ребенок сидит за столом с прижатыми к туловищу локтями, а когда не ест, держит руки на коленях, то это англичанин. Юный француз не умеет оставаться в определенном положении: локти у него веером, он наваливается ими на стол, и так все время.

Наконец, я видел также, да и вы все видели, изменение в технике бега. Представьте себе, что мой преподаватель гимнастики, одним из лучших окончивший Жуанвиль в конце 1850-х гг.[1073], учил меня бегать с прижатыми к туловищу кулаками, что полностью препятствовало всем беговым движениям. Мне потребовалось увидеть профессиональных бегунов в 1890 г., чтобы понять, что надо бегать иначе.

Таким образом, в течение многих лет у меня было такое представление о социальной природе *habitus*'а. Обращаю ваше внимание на то, что я говорю *habitus* на настоящей латыни, понятной во Франции. Слово это передает суть дела несравненно лучше, чем «привычка» (*habitude*), «предрасположение» (греч. *exis*), «навык» (*acquis*) и «способность» (*faculté*) в истолковании Аристотеля (который был психологом). Оно обозначает не те метафизические привычки и таинственную «память», о которых говорится в солидных томах или в небольших и знаменитых диссертациях. Эти «привычки» варьируются не просто в зависимости от индивидов и их раздражательных действий, но главным образом в зависимости от различий в обществах, воспитании, престиже, обычаях и модах. Необходимо видеть техники и деятельность коллективного практического разума там, где обычно видят лишь душу и ее способности к повторению.

Таким образом, все понемногу приводило меня к точке зрения, разделяемой некоторыми членами нашего Общества по примеру Конта, к точке зрения Дюма, например, который в устойчивых связях между биологическим и социологическим оставляет не очень большое место психологическому посредничеству. И я пришел к выводу, что невозможно иметь ясное представление обо всех этих фактах: беге, плавании и т. д., если не базироваться на тройственном подходе вместо одностороннего, будь он механико-физическим, вроде анатомио-физиологической теории ходьбы, или же, напротив, психологическим или социологическим. Необходима тройственная точка зрения, точка зрения «тотального человека».

Наконец, привлекала внимание еще одна группа фактов. Во всех этих элементах искусства использования человеческого тела доминировали факты воспитания. Понятие воспитания могло быть добавлено к понятию подражания. Ибо у одних детей хорошие способности к подражанию, у других — слабые, но если все воспитываются одинаково, то мы можем понять взаимосвязь между фактами. Происходит престижное подражание. Ребенок, взрослый подражают актам, которые оказались успешными и которые они видели удавшимися у людей, внушающих им доверие и обладающих авторитетом в их глазах. Акт принимается извне, сверху, даже если это акт исключительно биологический, относящийся к телу. Индивид заимствует ряд движений из акта, совершаемого перед ним или вместе с ним другими.

Именно в этом понятии престижа личности, совершающей акт упорядоченный, дозволенный, одобренный, престижа по отношению к индивиду подражающему, содержится весь социальный элемент. В последующем подражательном акте содержатся весь психологический и биологический элементы.

Но целое, ансамбль, обусловлены всеми тремя элементами, неразрывно между собой связанными.

Все это легко согласуется с некоторыми другими элементами. В книге Элсдона Беста, дошедшей до нас в 1925 г., имеется примечательное свидетельство относительно способа ходьбы у женщин маори (Новая Зеландия). (Не надо называть их примитивами, я считаю, что в некоторых отношениях они выше кельтов и германцев.) «Туземные женщины усваивают определенную *gait* [«поступь»] (английское слово превосходно): четкое и одновременно соразмерное покачивание бедрами, которое нам кажется некрасивым, но вызывает необычайное восхищение у маори. Матери натаскивали (автор пишет *drill*) своих дочерей этому способу, который называется «ониои». Я слышал, как матери говорят дочерям (я перевожу): «Ты не делаешь ониои», когда девочка не производила этого покачивания» (*The Maori*, 1, p. 408-409; ср. p. 135). Это был приобретенный, а не естественный способ ходьбы. Вообще у взрослого, вероятно, не существует «естественного способа» ходьбы. Тем более это касается тех ситуаций, когда вторгаются другие технические факты: то, что мы носим туфли, изменяет положение наших ног, и когда мы ходим без обуви, мы хорошо это ощущаем.

С другой стороны, тот же фундаментальный вопрос вставал передо мной в связи с разнообразными представлениями о магической силе, о вере не только в физическую, но и в

словесную, магическую, ритуальную действенность определенных актов. Здесь я, возможно, в большей мере нахожусь на своей почве, чем на авантюрной почве психофизиологии способов ходьбы, на которую я только что рискнул ступить.

Приведу факт более «примитивный», на сей раз австралийский: формула охотничьего и вместе с тем бегового обряда. Известно, что австралийцу удается затравливать на бегу кенгуру, эму, диких собак. Он может схватить опоссума на верхушке дерева, несмотря на сильное сопротивление животного. Один из этих беговых обрядов, наблюдавшийся еще 100 лет назад, — обряд бега за дикой собакой динго у племен, живущих в окрестностях Аделаиды. Охотник непрерывно напевает следующую формулу:

“ порази ее пучком орлиных перьев (от инициации и т. д.);
порази ее поясом,
порази ее головной повязкой,
порази ее кровью от обрезаний,
порази ее кровью из руки,
порази ее менструальной кровью женщины,
усыпи ее; и т. д.[1074]

В другой церемонии, церемонии охоты на опоссума, индивид держит во рту кусочек горного хрусталя (кавемукка), одного из магических камней, и напевает подобную формулу; именно с такой поддержкой он может выгнать опоссума из его жилища, вскарабкаться на дерево, повиснуть на поясе, схватить и убить этого трудноуловимого зверя.

Связь между магическими действиями и техниками охоты слишком очевидна и распространена, чтобы надо было специально доказывать ее существование.

Психологическое явление, которое мы констатируем в данный момент с обычной социологической точки зрения, очевидно, весьма легко узнать и понять. Но мы хотим уловить сейчас именно эту веру, психологический momentum, приписываемый акту, который является прежде всего фактом биологической выносливости, достигаемой благодаря словам и магическому объекту.

Технический, физический, религиозно-магический акты для агента слиты воедино. Таковы элементы, которыми я располагал.

Все это меня не удовлетворяло. Я видел, как можно все описать, но не видел, как это организовать; я не знал, какое название, заглавие дать всему этому.

Все было очень просто, мне надо было лишь опереться на деление традиционных актов на техники и обряды, которое я считаю вполне обоснованным. Все эти способы действия были техниками, а именно техниками тела.

Мы, и я в том числе, заблуждались многие годы, думая, что техника существует только тогда, когда есть инструмент. Надо было вернуться к понятиям древних, к платоновским мыслям о технике, где Платон говорил о технике музыки и особенно танца; надо было расширить это понятие.

Я называю техникой традиционный действенный акт (и вы видите, что в этом отношении он не отличается от акта магического, религиозного, символического). Необходимо, чтобы он был традиционным и действенным. Не существует ни техники, ни ее передачи, если нет традиции. Вот чем человек прежде всего отличается от животного: передачей своих техник и особенно — их передачей посредством слов.

Итак, позвольте мне считать, что вы принимаете мои определения. Но какова разница между традиционным действенным религиозным, символическим, юридическим, коллективным, моральным актом, с одной стороны, и традиционным техническим актом — с другой стороны? Дело в том, что последний воспринимается автором как акт механического, физического или физико-химического порядка и осуществляется с той же целью.

В таких обстоятельствах можно просто утверждать: мы имеем дело с техниками тела. Тело есть первый и наиболее естественный инструмент человека. Или, если выразиться более точно и не говорить об инструменте, можно сказать, что первый и наиболее естественный технический объект и в то же время техническое средство человека — это его тело. И сразу же вся эта большая категория, которую в дескриптивной социологии я классифицировал как «разное», выпадает из этой рубрики и приобретает плоть и кровь: мы знаем, куда ее определить.

До инструментальных техник существует совокупность техник тела. Я не преувеличиваю значение данного рода работы — работы по психосоциологической таксономии. Но это уже нечто: порядок, внесенный в идеи, туда, где не было никакого порядка. Даже внутри этой группировки фактов найденный принцип обеспечивал возможность точной классификации. Это постоянная адаптация к некоторой физической, механической, химической цели (например, когда мы пьем) разворачивается в ряде смонтированных между собой актов, причем смонтированных у индивида не просто им самим, а всем его воспитанием, всем обществом, часть которого он составляет, в месте, которое он занимает.

Более того, все эти техники очень легко расположились в систему, которая для нас является общей и охватывается фундаментальным понятием психологов, особенно Риверса и Хеда: понятием символической жизни духа, представлением о деятельности сознания как системы символических конструкций прежде всего.

Если бы я взялся перечислять вам все возможные факты, демонстрирующие совместное действие тела и моральных или интеллектуальных символов, им бы не было конца. Бросим сейчас взгляд на самих себя: все в нас управляется извне. Я сижу перед вами в качестве докладчика; вы понимаете это по моей позе и по голосу, а вы слушаете меня, сидя молча. У нас есть положения дозволенные или недозволенные, естественные или неестественные. Так мы приписываем различную ценность пристальному взгляду: это символ вежливости в армии и невежливости в гражданской жизни.

ГЛАВА II. Принципы классификации техник тела

Две особенности сразу же обнаружались в связи с понятием техник тела: они разделяются и варьируют в соответствии с полом и возрастом.

1. Разделение техник тела между полами (а не просто разделение труда между полами). Явление это достаточно значительное. Наблюдения Йеркса и Кёлера, касающиеся положения объектов относительно тела, и особенно лона, у обезьян, могут стимулировать общие соображения по поводу различий в положениях движущихся тел по отношению к движущимся объектам у обоих полов. Впрочем, на этот счет существуют классические наблюдения человека. Их надо было бы дополнить. Я позволю себе указать моим друзьям психологам на этот ряд исследований; сам я недостаточно компетентен для их освещения, да и времени на это у меня нет. Возьмем способ сжатия кулака. Мужчина обычно сжимает кулак, оставляя большой палец снаружи, женщина же помещает большой палец внутрь кулака, может быть, потому, что ее так научили, но я уверен, что, если бы пытались научить иначе, это было бы трудно. Удар кулаком, бросок у женщины смягчены. И всем известно, что бросок камешка женщиной — не только слабый, но и отличается от броска мужчины тем, что находится в вертикальной плоскости вместо горизонтальной.

Возможно, здесь имеют место два вида обучения, ибо есть общество мужчин и общество женщин. Тем не менее я думаю, что здесь также можно обнаружить явления биологические и психологические. Но, отмечу еще раз, в этом случае психолог сам по себе сможет дать лишь проблематичные объяснения; ему необходимо сотрудничество обеих соседних наук: физиологии и социологии.

2. Изменчивость техник тела в зависимости от возраста. Ребенок часто садится на корточки. Мы уже не умеем больше этого делать. Я считаю, что это абсурд и недостаток наших рас, цивилизаций, обществ. Один пример. Я общался на фронте с австралийцами (белыми), и у них было предо мной значительное преимущество. Когда мы устраивали привал в грязи или в мокрых местах, они могли присаживаться на пятки и отдыхать, а «куча воды», как это называли, оставалась под пятками. Я же был вынужден продолжать стоять в своих сапогах, погрузив всю ногу в воду. Положение на корточках — это, по моему мнению, интересное положение, которое можно было бы у ребенка сохранять. Отучать его от этого — грубая ошибка. Все человечество, кроме наших обществ, сохранило эту привычку.

Впрочем, вероятно, с увеличением возраста человеческого рода эта поза также изменила свое значение. Вы помните, что когда-то аркатуру нижних конечностей считали признаком вырождения. Этому расовому признаку давали физиологическое объяснение. Тот, кого еще Вирхов считал несчастным дегенератом и который на самом деле всего лишь неандерталец, был кривоногим. Дело в том, что обычно он жил, сидя на корточках. Существуют, стало быть, явления, которые мы связываем с наследственностью и которые на самом деле относятся к физиологической, психологической и социальной сферам. Определенная форма сухожилий и даже костей есть лишь следствие определенной формы их ношения и расположения. Это достаточно ясно. Посредством такого подхода можно классифицировать не только техники, но и их вариации в соответствии с возрастом и полом.

После того как эта классификация, с которой соотносятся все классовые деления общества, установлена, можно предположительно ввести и третью.

3. Классификация техник тела по эффективности. Техники тела могут классифицироваться по их производительности, по результатам дрессировки. Последняя, подобно сборке машины, есть поиск и достижение эффективности. В данном случае это производительность человека. В конечном счете эти техники представляют собой человеческие нормы дрессировки человека. Методы, применяемые к животным, люди добровольно применяют к себе и своим детям. Дети, вероятно, были первыми существами, дрессировавшимися таким образом еще до всех животных, которых надо было сначала приручить. Стало быть, я могу в определенной мере сравнивать эти методы и их передачу с методами дрессировки и располагать в порядке их эффективности.

Здесь уместно использование очень важного как для психологии, так и для социологии понятия сноровки. Но во французском языке мы располагаем лишь плохим термином "habile" («умелый»), мало соответствующим латинскому слову *habilis*, гораздо лучше подходящему для обозначения людей, которые обладают навыками, чувством адаптации своих хорошо скоординированных движений по отношению к целям, «знающих толк» в том или ином деле. Это английское понятие *craft, clever* (сноровка, наличие ума и навыка), это мастерство в чем-то. Здесь мы вновь с очевидностью оказываемся в области техники.

4. Передача формы техник. Последний подход: поскольку обучение техникам имеет существенное значение, мы можем классифицировать их на основании особенностей воспитания и дрессировки. Тут перед нами открывается новое поле для исследований: физическое воспитание всех возрастов и обоих полов состоит из бесчисленного множества неизученных деталей, которые надо подвергнуть наблюдению. Воспитание ребенка изобилует тем, что называют мелочами, но они очень важны. Возьмем, например, проблему амбидекстрии[1075]. Мы мало наблюдаем движения правой и левой рук и плохо представляем себе, насколько все они усваиваются через научение. Можно с первого взгляда узнать набожного мусульманина: даже тогда, когда в его распоряжении вилка и нож (что бывает редко), он сделает все, чтобы пользоваться только правой рукой. Он никогда не должен дотрагиваться до пищи левой рукой, а до некоторых частей тела — правой. Чтобы выяснить, почему он не делает такой-то жест и делает другой, недостаточно ни физиологии, ни психологии двигательной асимметрии у человека; надо знать традиции, принуждающие к этому. Робер Герц точно сформулировал эту проблему[1076]. Но

соображения подобного рода приложимы ко всему, что связано с социальным выбором принципов движений.

Следовало бы изучать все виды дрессировки, подражания и особенно те фундаментальные методы, которые можно назвать «образ жизни», а также *modus, tonus*, «материя», «образ действий», «повадка».

Такова первая классификация или, точнее, первые четыре подхода к предмету.

ГЛАВА III. Биографический перечень техник тела

Другая классификация если не более логична, то по крайней мере более доступна для наблюдений. Это простой перечень. Я подготовил для слушателей ряд небольших списков, как это обычно делают американские преподаватели. Мы будем просто следовать за возрастом человека, за обычным ходом жизни индивида, с тем чтобы расположить в определенном порядке те техники тела, которые его касаются или которым его обучают.

1. Техники родов и акушерства. Данные факты относительно мало изучены, а многие сведения, ставшие классическими, спорны[1077]. К достоверным среди них относятся работы У. Рота об австралийских племенах Квинсленда, а также работы о Британской Гвиане.

Формы акушерства весьма разнообразны. Когда рождался ребенок Будда, его мать Майя держалась прямо, уцепившись за ветку дерева; она рожала стоя. Многие женщины Индии рожают так до сих пор. То, что мы считаем нормальным, т. е. роды в положении лежа на спине, не более нормально, чем другие способы, например положение на четвереньках. Одни техники родов относятся к самой матери, другие— к ее помощницам, они связаны с извлечением ребенка, перевязыванием и обрезанием пуповины, уходом за матерью и ребенком. Таковы некоторые весьма важные вопросы. Существуют другие: отбор ребенка, выбрасывание больных, предание смерти близнецов относятся к решающим моментам в истории расы. В древней истории, как и в последующих цивилизациях, признание ребенка представляет собой важнейшее событие.

2. Техники периода детства. Выращивание и вскармливание ребенка. Отношения двух взаимосвязанных существ: матери и ребенка. Ребенок: сосание, ношение и т. д. История ношения детей очень важна. Ребенок, которого мать носит непосредственно на себе в течение двух или трех лет, совершенно иначе относится к своей матери, чем ребенок, которого не носят[1078]; у него совершенно иной контакт со своей матерью, чем у нашего ребенка. Он цепляется за шею, за плечи, садится верхом на бедро. Это замечательная гимнастика, оказывающая на него влияние всю жизнь. И это также особая, помимо ношения, гимнастика для матери. Возможно даже, что здесь рождаются психические состояния, исчезнувшие в нашем детстве. Происходит соприкосновение половых органов, кожи и т. д.

Отнятие от груди. Очень долгий процесс, обычно длящийся два-три года. Обязанность кормить грудью, иногда даже животных. Женщина очень долго не прекращает кормления грудью. Кроме того, существует связь между отнятием от груди и воспроизводством потомства. Перерывы в воспроизводстве после отнятия от груди[1079].

Человечество вполне можно разделить на колыбельные и бесколыбельные народы. Ибо существуют техники тела, предполагающие использование инструмента. К колыбельным относятся все народы Северного полушария, народы, обитающие в Андах, а также часть населения Центральной Африки. В последних двух группах использование колыбели совпадает с деформацией черепа (что, возможно, имеет серьезные физиологические последствия).

Ребенок после отнятия от груди. Он умеет есть и пить; он обучен ходьбе; теперь развивают его зрение, слух, чувство ритма, формы и движения, зачастую для танца и музыки.

Он усваивает представления и навыки, связанные с разминкой, дыханием. Он усваивает определенные положения тела, часто навязанные ему извне.

3. Техники юности. Их можно наблюдать главным образом у мужчин. Менее важны они для девушек в обществах, изучению которых посвящен курс этнологии. Подлинно выдающееся событие в воспитании тела — это инициация. По тому, как воспитываются наши сыновья и дочери, мы представляем себе, что везде они усваивают те же самые манеры и позы, подвергаются такой же тренировке. Это представление ошибочно даже в отношении нас самих и уж совершенно ложно, когда речь идет о так называемых примитивных обществах. Более того, мы описываем факты так, как будто везде и всегда существовало нечто вроде нашей школы, которая с самого начала должна оберегать ребенка и готовить его к жизни. Как правило, происходит как раз противоположное. Например, во всех негритянских обществах с наступлением половой зрелости воспитание мальчиков интенсифицируется, тогда как воспитание девочек остается, так сказать, традиционным. Не существует школы для женщин. Они находятся в школе своих матерей, с тем чтобы, за редкими исключениями, прямо перейти в супружеское состояние. Ребенок мужского пола вступает в общество мужчин, где он изучает свою профессию, особенно военную. Тем не менее для мужчин, как и для женщин, решающий возраст — юношеский. Именно в это время они окончательно усваивают техники тела, которые сохраняют в течение всей взрослой жизни.

4. Техники взрослого возраста. Чтобы составить их перечень, можно исходить из различных моментов дня, по которым распределяются упорядоченные движения и остановки.

Мы можем выделить сон и бодрствование, а в бодрствовании — отдых и активность.

1) Техники сна. Представление о том, что сон — это нечто естественное, совершенно неточно. Могу сказать вам, что война научила меня спать везде — на куче камней, например, но смена места ночлега всегда вызывала у меня бессонницу на какое-то время; только на второй день я могу быстро уснуть на новом месте.

Очень простое различие между обществами состоит в том, что в одних для сна нет ничего, кроме «матушки-земли», а другие пользуются специальным инструментом. «Цивилизация, проходящая через 15° широты», о которой говорит Гребнер[1080], отличается, помимо прочего, использованием для сна скамеечки под затылок. Подлокотник часто представляет собой тотем, иногда украшенный резными фигурками мужчин на корточках, тотемическими

животными. Есть народы, употребляющие циновки и не употребляющие их (Азия, Океания, часть Америки). Встречаются народы, использующие изголовья и не употребляющие их. Существуют племена, в которых для сна располагаются, тесно прижавшись друг к другу вокруг костра или даже без него. Существуют первобытные способы согреться и греть ноги. Фиджийцы, живущие в холодном климате, могут согреть ноги во время сна, укрываясь только одеялом из кожи гуанако. Существует, наконец, сон в стоячем положении. Спать стоя могут масаи. Я сам спал стоя в горах, часто спал верхом на коне, иногда даже на ходу: конь был умней меня. Древние историки, повествующие о нашествиях, изображают гуннов и монголов спящими на конях. Такое происходит у них и до сих пор: всадники спят, не останавливая лошадей.

Существует обычай использования одеяла. Люди, спящие укрытыми или неукрытыми. Существуют гамак и способ сна в висячем положении.

Таково множество практик, выступающих как техники тела и имеющих глубокие биологические отзвуки и последствия. Все это может и должно подвергнуться непосредственному наблюдению; сотни таких явлений еще предстоит познать.

2) Бодрствование: техники отдыха. Отдых может быть полным или просто паузой: лежачей, сидячей, на корточках и т. д. Попробуйте сесть на корточки. Вы увидите, какие мучения доставит вам, например, марокканская трапеза, происходящая в соответствии со всеми обрядами. Способ сидения имеет фундаментальное значение. Человечество можно разделить на сидящее на корточках и сидящее на каком-нибудь приспособлении. Среди тех, кто пользуется сиденьями, можно различать народы со скамьями и без скамей и подставок; со стульями и без стульев. Деревянный стул, поддерживаемый фигурами на четвереньках, распространен, что весьма примечательно, во всех регионах пятнадцатого градуса северной широты и экватора на обоих континентах[1081]. Есть народы, пользующиеся столом, и есть — не пользующиеся им. Стол, греческая «трапеза», — далеко не универсальное явление. Как правило, до сих пор по всему Востоку распространены ковер, циновка. Все это достаточно сложно, так как отдых включает еду, беседу и т. д. В некоторых обществах отдых осуществляется в своеобразных положениях. Так, вся Африка в районе Нила и часть района Чада до Танганьики населена людьми, отдыхающими во время похода, стоя наподобие аистов. Некоторым удается стоять на одной ноге без подпорки, другие опираются на палку. Этими техниками отдыха формируются подлинные черты цивилизаций, объединяющие многие народы, целые их семьи. Ничто не кажется психологам более естественным. Не знаю, согласятся ли они со мной, но я думаю, что эти позы в саванне связаны с высотой травы, с функциями пастуха, часового и т. д.: они с трудом усваиваются посредством обучения и затем сохраняются.

У нас бывает активный, как правило, эстетический отдых; так, во время отдыха часто устраиваются танцы и т. д. Мы к этому еще вернемся.

3) Техники движения. Отдых, по определению, — это отсутствие движения, движение — отсутствие отдыха. Приведу простой и четкий перечень.

Движения всего тела: ползание, топтание, ходьба. Ходьба: положение тела во время ходьбы; дыхание, ритм шага; размахивание кулаками, локтями; раскачивание туловища по ходу движения или в стороны поочередно (мы привыкли передвигаться всем телом одновременно); положение ног вовне или внутрь; ширина шага. Мы смеемся над «гусиным шагом», а в германской армии он служит средством достижения максимальной ширины шага. Особо следует отметить, что жители Севера, будучи длинноногими, любят делать как можно более широкий шаг. Из-за подобных упражнений у многих из нас во Франции колени несколько искривлены. Такова одна из тех идиосинкразий, которые одновременно связаны с расой, индивидуальной и коллективной психикой. Техники вроде полуоборота относятся к наиболее любопытным. Полуоборот на английский манер «принципиально» столь отличен от нашего, что овладеть им — целая наука.

Бег. Положение ног, рук, дыхание, магия бега, выносливость. В Вашингтоне я видел вождя Братства Огня индейцев хопи, явившегося вместе с четырьмя своими братьями заявить протест против запрета на употребление алкоголя при совершении их церемоний. Это был, несомненно, лучший бегун в мире. Он проделал путь в 250 миль без остановки. Эти племена привычны к большим физическим нагрузкам всякого рода. Юбер, видевший их, сравнивал их в физическом отношении с японскими атлетами. Тот же индеец был несравненным танцором.

Наконец, мы встречаемся с техниками активного отдыха, выявляющими не просто эстетику, но также и игры тела.

Танец. Вы, возможно, присутствовали на лекциях фон Хорнбостеля и Курта Закса: рекомендую прочитать написанную последним прекрасную историю танца[1082]. Я согласен с их делением на танцы отдыха и танцы действия. В меньшей степени я, вероятно, согласился бы с их гипотезой относительно характера распространения этих танцев. Они стали жертвой одного фундаментального заблуждения, свойственного некоторым социологам. Существуют якобы общества с исключительно мужской линией наследования и общества с женской линией. Одни, феминизированные, танцуют преимущественно на месте; другие, с мужской линией, испытывают удовольствие от перемещения.

Лучше проведенная Куртом Заксом классификация танцев на экстравертные и интровертные. Мы имеем здесь дело с подлинным психоанализом, вероятно, в данном случае достаточно обоснованным. На самом деле, с точки зрения социолога, действительность выглядит более сложной. Так, полинезийцы, и в частности маори, очень сильно трясутся, причем на месте, или же очень быстро перемещаются, когда пространство это позволяет.

Уместно различать танцы мужчин и женщин, часто противоположные друг другу.

Наконец, надо помнить, что танец с объятиями — продукт современной европейской цивилизации. Это доказывает, что совершенно естественные для нас явления носят исторический характер. К тому же они вызывают ужас у всего мира, кроме нас.

Я перехожу к техникам тела, составляющим даже функцию профессиональных занятий, элементы этих занятий или более сложных техник.

Прыжок. Наше поколение стало свидетелем изменения техники опорного прыжка. Все мы отталкивались от трамплина и корпусом вперед. К счастью, с этим покончено. К счастью, теперь прыгают сбоку. Прыжок в длину, ширину, глубину, с шестом и без шеста. Здесь мы сталкиваемся с предметом размышлений наших друзей Кёлера, Гийома и Мейерсона: сравнительной психологией человека и животных. На этом я заканчиваю, так как подобные техники варьируются бесконечно.

Подъем. Надо сказать, я очень плохо взбираюсь на деревья и сносно на горы и скалы. Сказывается различие в воспитании, стало быть, в методе.

Метод влезания на дерево с помощью ремня, опоясывающего тело вместе с деревом, является основным у так называемых первобытных людей. У нас, однако, не используется даже этот ремень. Мы видим, как рабочие взбираются на телеграфные столбы только с помощью скоб и без пояса. Надо было бы обучить их этому способу[1083].

Весьма примечательна история техники альпинизма. На протяжении моей жизни она невероятно продвинулась вперед.

Спуск. Нет зрелища более головокружительного, чем спуск кабила в туфлях без задника и каблука. Как может он их удерживать и не терять? Я не понимаю, хотя старался понять и сделать это.

Впрочем, я не понимаю также, как могут женщины ходить на высоких каблуках. Значит, тут есть что наблюдать, а не только сравнивать.

Плавание. Я уже высказывался по этому поводу. Нырание, плавание, использование дополнительных средств: бурдюков, досок и т. д. Здесь мы видим путь к изобретению судостроения. Наряду с другими я критиковал книгу де Руже об Австралии, обнаружив в ней плагиат и серьезные неточности. Вместе со многими другими я считал выдумкой их рассказ о том, что они видели больших морских черепах, на которых верхом плыли аборигены из племени ниоль-ниоль (Северо-Западная Австралия). Однако сейчас у нас в распоряжении имеются отличные фотографии, на которых эти люди изображены верхом на черепахах. В то же время плавание на куске дерева отмечено у ашанти Раттреем (том 1)[1084]. Более того, то же самое достоверно установлено у обитателей почти всех лагун Гвинеи, Порто-Ново, наших собственных колоний.

Силовые движения. Толкание, перетаскивание, поднятие. Все знают, что такое бросок через бедро. Это усвоенная техника, а не простая серия движений.

Бросок, бросок в воздух, на землю и т. д.; способ держания пальцами бросаемого предмета специфичен и имеет множество вариаций.

Держание. Удерживание зубами. Использование пальцев ног, подмышек и т. д.

Изучению всех этих механических движений положено хорошее начало. Это исследование формирования механических пар с телом. Вы хорошо помните выдающуюся теорию Рёло[1085] об образовании этих пар. Мы вспоминаем в этой связи также имя великого Фарабефа[1086]. С тех пор, как мы стали пользоваться кулаком, и особенно когда человек взял в руки «шелльский кулак»[1087], стали формироваться «пары».

Здесь же располагаются все движения рук, фокусы, атлетизм, акробатика и т. д. Признаюсь, что всегда испытывал и продолжаю испытывать большое восхищение фокусниками и гимнастами.

4) Техники ухода за телом. Чистка, умывание, намыливание. Это возникло почти вчера. Изобретателями мыла были не древние греки и римляне (они не пользовались мылом), а галлы. С другой стороны, независимо от них вся Центральная Америка и северо-восточная часть Южной Америки мылились с помощью панамского дерева «бразил», откуда и название государства.

Уход за ртом. Техника кашля и отхаркивания. Приведу личное наблюдение. Одна моя знакомая девочка не умела отхаркиваться, и это всякий раз обостряло у нее болезни дыхательных путей. Я узнал причину этого. В деревне, где жил ее отец, в его семье в Берри, не умеют плевать. Я научил ее сплевывать, давая ей четыре су за плевков. Поскольку ей хотелось иметь велосипед, она научилась сплевывать мокроту. Причем научилась этому первой в семье.

Гигиена естественных потребностей. Здесь я мог бы перечислить вам бесчисленное множество фактов.

5) Техника насыщения. Еда. Вспомните анекдот о персидском шахе, приводимый Гёффдингом. Приглашенный Наполеоном III шах ест пальцами. Император настаивает, чтобы он воспользовался золотой вилкой. «Вы и представить не можете, какого удовольствия себя лишаете», — отвечает ему шах.

Отсутствие или использование ножа. Большую фактическую ошибку допустил МакГи, который, наблюдая сери (полуостров Мадлен, Калифорния), счел, что они относятся к первобытнейшим из людей, поскольку не понимают смысла использования ножа. У них просто не было ножа для еды, вот и все.

Питье. Очень полезно научить детей пить прямо из родника, фонтана и т. д. или из водяных брызг, пить залпом и т. д.

6) Техника воспроизводства. Нет ничего более технического, чем сексуальные позиции. Очень мало кто из авторов осмеливался высказываться по этому вопросу. Мы должны быть признательны Крауссу за то, что он опубликовал свое большое собрание “Anthropophyteia”[1088]. Возьмем, например, такую сексуальную позу: ноги женщины в области колен висят на локтях у мужчины. Это техника, характерная для всего Тихого океана, от Австралии до Перу и Берингова пролива, и, так сказать, очень редкая в других местах.

Существуют всевозможные техники сексуальных актов, нормальных и анормальных. Соприкосновения половых органов, смешение дыханий, поцелуи и т. д. Сексуальные техники и мораль в данном случае тесно взаимосвязаны.

7) Существуют, наконец, **техники лечения анормального**: массажи и т. д. Но не будем на этом специально останавливаться.

ГЛАВА IV. Общие соображения

Общие вопросы, вероятно, вызывают больший интерес, чем перечисление техник, которому я отвел слишком много времени.

Из приведенных данных четко обнаруживается, что мы везде сталкиваемся с социопсихофизиологическим конструированием серий актов. Эти акты более или менее привычны и стары в жизни индивида и в истории общества.

Пойдем дальше: одна из причин, благодаря которой конструирование этих серий актов у индивида может осуществляться легче, состоит как раз в том, что они конструируются социальным авторитетом и ради него. Будучи капралом, я объяснял необходимость маршировать сомкнутыми рядами, по четверо в ряду и в ногу следующим образом. Я запрещал шагать в ногу, выстраиваться в ряды по четверо и приказывал отделению пройти между двумя деревьями, росшими во дворе. Солдаты наталкивались друг на друга. Они осознавали таким образом, что строевые навыки не так уж и глупы. Во всей групповой жизни есть нечто вроде обучения движению сомкнутыми рядами.

Во всяком обществе все знают, должны уметь и усвоить, что надо делать в любых условиях. Разумеется, социальная жизнь не лишена глупости и ненормальностей. Зablуждение может стать принципом. Во французском флоте совсем недавно матросов стали обучать плаванию. Но пример и порядок — вот в чем принцип. Стало быть, есть серьезная социологическая причина существования всех отмеченных фактов. Надеюсь, будет признано, что я в данном случае прав.

В то же время, поскольку речь идет о техниках тела, все говорит о существовании огромного биологического, физиологического аппарата. А какова величина психологической шестерни? Я нарочно говорю о «шестерне». Последователь Конта сказал бы, что не существует промежутка между социальным и биологическим[1089]. Я же могу вам сказать, что усматриваю здесь психологические факты в качестве зубчатой передачи, а не в качестве причины, за исключением моментов творчества или реформы. Случаи изобретения, создания принципов редки. Факты адаптации — явление индивидуально-психологическое. Но обычно ими управляет воспитание или, по крайней мере, обстоятельства совместной жизни, общения.

С другой стороны, в психологии имеется два больших первоочередных вопроса: об индивидуальной способности, технической ориентации и о типических чертах, биотипологии. Эти вопросы могут пересекаться с тем кратким изысканием, которое мы сейчас провели. В последнее время значительный прогресс психологии был достигнут, по

моему мнению, не в области изучения отдельных так называемых психических способностей, но в психотехнике и в анализе психических «целостностей» (“touts”).

Здесь этнолог сталкивается с важными вопросами психических возможностей той или иной расы и той или иной биологии определенного народа. Это фундаментальные вопросы. Я думаю, что и здесь, что бы нам ни казалось, мы имеем дело с явлениями биолого-социологическими. Я считаю, что основное обучение всем этим техникам состоит в том, чтобы адаптировать тело к его применению. Например, серьезные стоические испытания, из которых состоит инициация у наибольшей части человечества, имеют целью воспитывать хладнокровие, стойкость, серьезность, присутствие духа, достоинство и т. д. Главную пользу от своих давнишних занятий альпинизмом я вижу в воспитании хладнокровия, позволявшего мне спать стоя на малейшем выступе на краю бездны.

Я думаю, что любое такое представление о воспитании расы, производящей внутри себя отбор с целью достижения определенного эффекта, составляет один из основополагающих аспектов самой истории. Это представление о воспитании того, как смотреть, ходить, подниматься, спускаться, бегать. В частности, оно относится к воспитанию хладнокровия. Последнее есть прежде всего механизм замедления, запрета беспорядочных движений. Это замедление обеспечивает затем упорядоченную реакцию посредством упорядоченных движений, направленных на избранную цель. Спротивление всеохватывающему волнению составляет нечто фундаментальное в социальной и в интеллектуальной жизни. По нему различаются, даже классифицируются общества, называемые первобытными, в зависимости от того, каковы в них реакции: грубые, необдуманные, бессознательные или, наоборот, точные, четкие, управляемые ясным сознанием[1090].

Именно благодаря обществу происходит вмешательство сознания. Воздействие общества осуществляется отнюдь не благодаря бессознательному. Именно благодаря обществу движения носят уверенный характер, сознание доминирует над эмоцией и бессознательным. Именно исходя из разумных оснований, французский морской флот обязывает своих матросов учиться плавать.

Отсюда мы легко переходим к проблемам, носящим гораздо более философский характер.

Не знаю, обратили ли вы внимание на то, что наш друг Гране уже отмечал в своих выдающихся исследованиях относительно техник даосизма, техник тела, в частности дыхания. Я достаточно изучал санскритские тексты Йоги, чтобы знать, что те же факты встречаются и в Индии. Я совершенно убежден, что техники тела существуют даже в глубине всех наших мистических состояний, которые не исследовались и вместе с тем с древнейших времен тщательно изучались в Китае и Индии. Следует предпринять это социопсихобиологическое исследование мистики. Я думаю, что непременно существуют биологические средства вхождения в «коммуникацию с Богом». Хотя в конечном счете техника дыхания и т. д. относится к фундаментальным воззрениям только в Индии и Китае, я считаю ее распространенной гораздо шире. Во всяком случае, в этом вопросе мы располагаем средствами понимания множества фактов, до сих пор не понятых. Я думаю даже, что все последние открытия в рефлексотерапии заслуживают того, чтобы мы, социологи, обратили на них внимание вслед за биологами и психологами, гораздо более компетентными в данном случае, чем мы.